

Сюэ Динъюань должен был признать, что с того момента, как Чу Хуншэн его спас, в его подсознании он уже причислил его к «своим».

Потому что Чу Хуншэн действительно относился к нему... очень хорошо. Это заставило Сюэ Динъюаня, никогда ранее не испытывавшего подобного, интуитивно чувствовать, что они должны быть вместе, преодолевая все трудности плечом к плечу.

Говоря проще: он не хотел расставаться с Чу Хуншэном, потому что чрезвычайно ценил то тепло, которое тот ему дарил.

Поэтому он, возможно, и правда упустил из виду чувства Чу Хуншэна.

Человек не должен быть слишком эгоистичным, особенно по отношению к благодетелю. Поэтому, закончив есть лапшу, он вздохнул:

— Когда ты поправишься, если всё ещё захочешь уйти, я точно не задержу тебя... Но даже если уедешь, надеюсь, оставишь мне контакты. Мы ведь не враги, чтобы не видеться до самой смерти. Если вдруг случится какая беда...

Тут он вспомнил, что в будущем Чу Хуншэн станет мультимиллионером, и даже без него всё будет складываться удачно, поэтому не договорил и замолчал.

Видимо, его выражение лица было слишком удручающим, и Чу Хуншэн наконец произнёс:

— Я... правда просто чувствую, что стану тебе обузой.

Но это не утешило Сюэ Динъюаня. Он махнул рукой, замочил миску и обратился к Чу Хуншэну:

— Пошли, сначала на укол, обо всём остальном поговоришь, когда выздоровеешь.

Ему нужно было сопровождать его, иначе он действительно боялся, что Чу Хуншэн сбежит при первой возможности.

Чу Хуншэн тоже понимал это, поэтому вышел вместе с Сюэ Динъюанем.

Сюэ Динъюань шёл впереди, спустился по ступенькам и наткнулся на ту самую старуху.

Старуха шла, тяжело дыша, неся охапку стульев, а её сын плёлся сзади с пустыми руками. Увидев Сюэ Динъюаня, старуха открыла рот, чтобы начать придирааться, а сын тоже сделал хитрое лицо, но тут же они заметили Чу Хуншэна за спиной Сюэ Динъюаня.

Настроение у Чу Хуншэна сейчас было не из приятных, брови были нахмурены, выражение лица серьёзное, а в глазах читалась злость — с таким человеком лучше не связываться. Старуха открыла рот, но в итоге проглотила все ругательства, а её сын, будучи тем, кто боится сильных, тут же отвёл взгляд, не смея смотреть на них.

Сюэ Динъюань не был любителем ссор, поэтому ничего не сказал, и они с Чу Хуншэном направились в больницу.

В больнице по-прежнему не было других пациентов. Юй Циншэн, увидев их, поздоровался, осмотрел Чу Хуншэна и с восхищением заметил, что молодость берёт своё: вчерашнее состояние сегодня уже гораздо лучше. Затем он поставил капельницу.

Сюэ Динъюань скучал рядом с Чу Хуншэном, вяло болтая с Юй Циншэном о том о сём. Когда

лекарство ушло примерно наполовину, дверь больницы с шумом распахнулась, и внутрь ворвался холодный ветер.

Сюэ Динъюань присмотрелся: ну конечно, опять эта старуха!

Юй Циншэн посмотрел в ту сторону и нахмурился:

— Тётя Сунь, закройте дверь.

Сюэ Динъюань сразу понял из этой фразы, что хотя старуха переехала только сегодня, она была здесь не новичком.

Тётя Сунь, услышав это, не закрыла дверь, а сказала:

— Циншэн, тётя переезжала, поясницу потянула. Дай-ка мне два пластыря.

Лицо у Юй Циншэна помрачнело:

— Хорошо, пять юаней за штуку.

— Ой, да мы же старые соседи, о чём деньги говорить? К тому же твой отец дома сам варил эти пластыри, они и пяти юаней не стоят. Да и мне немного надо, всего два. Твой отец раньше никогда денег с меня не брал.

Юй Циншэн пробормотал:

— Это потому что у моего отца не было такой совести, как у тебя.

Услышала ли это тётя Сунь, неизвестно, но она продолжала стоять в дверях, демонстрируя намерение не уйти без пластырей.

Похоже, Юй Циншэн не мог тягаться с наглостью тёти Сунь. Он вздохнул:

— Заходите, я вам дам.

А то весь тепло выйдет, а тут ещё больной, как бы хуже не стало.

Тётя Сунь, видя, что Юй Циншэн сдался, радостно вошла, собираясь дожидаться, пока он принесёт пластыри из внутренней комнаты. Войдя, она тут же заметила Сюэ Динъюаня и Чу Хуншэна, и её лицо начало меняться.

Сначала она всё ещё побаивалась Чу Хуншэна, но увидев, что он под капельницей, решила, что он ей не страшен, и заносчиво, с ехидцей произнесла:

— Некоторые молодые люди совсем не уважают старших, не боятся, что в старости их покарают судьбой.

Это явно относилось к Сюэ Динъюаню. Обычно он бы не обратил внимания, но сегодня его настроение было совсем не сахар:

— Не знаю, покарает меня судьба или нет, но некоторых уже покарало.

Тётя Сунь нахмурилась:

— Шенок, это ты про кого?

Сюэ Динъюань усмехнулся:

— Про того, кто разозлился.

Тётя Сунь тут же рванула вперёд, желая устроить драку Сюэ Динъюаню, и по её движениям было видно, что спина у неё вовсе не болит.

Но она сделала лишь два шага, как человек, которого она побаивалась, сел на кровати и уставился на неё с яростью, словно предупреждая: посмеешь подойти — покажу.

Тётя Сунь почувствовала мурашки, но делать что-то не решилась — даже если она хотела устроить аварию, она не осмелилась бы на это с Чу Хуншэном.

Юй Циншэн тоже понял, что между ними что-то произошло, и быстро сунул два пластыря в руки тёти Сунь:

— Идите домой, наклейте.

Тётя Сунь, получив своё, немного успокоилась, но перед выходом не удержалась от замечания:

— Юй, я тебе скажу: у некоторых людей характер плохой, даже если они больны, не стоит их лечить. Это их небесное наказание.

Сказав это, она, боясь, что Чу Хуншэн её догонит, захлопнула дверь и убежала.

Юй Циншэн посмотрел на Сюэ Динъюаня с сочувствием. Сюэ Динъюань улыбнулся:

— Таких, как она, небо пока не покарало, не говоря уже о других.

Затем он оглянулся на Чу Хуншэна:

— Ложись назад, не двигайся, а то игла сместится.

Чу Хуншэн не стал спорить, а Юй Циншэн с любопытством спросил:

— Как ты умудрился связаться с этой старой каргой?

Сюэ Динъюань ничего не утаил и прямо рассказал о случившемся.

Чу Хуншэн, хотя и не проявлял активности, внимательно слушал.

Когда Сюэ Динъюань закончил, Юй Циншэн ахнул:

— Ты правда связался с этой старой ведьмой, дальше будет тяжело! Кстати, её квартира прямо над моей, эх... Может, я верну тебе деньги, а ты поищешь другое жильё?

Он сдавал квартиру этим ребятам из добрых побуждений, но кто же знал, что так выйдет.

Сюэ Динъюань этого не боялся. Во-первых, он вполне удовлетворён квартирой Юй Циншэна: в этом старом районе сложно найти такие условия за такую цену. Во-вторых, он не раз видел подобных выроdkов, и если он не ищет конфликтов, то и бояться их не должен — иначе придётся постоянно уступать, и жизнь не станет лучше. Поэтому он отклонил предложение.

Юй Циншэн всё ещё волновался:

— Если вы решите уехать, я в любой момент верну деньги.

Сюэ Динъюань знал, что тот хотел как лучше, и кивнул. Руководствуясь принципом «знай врага и знай себя», он спросил у Юй Циншэна подробности.

Юй Циншэн покачал головой:

— Больше я не знаю, только слышал, что тётя Сунь в молодости, кхм, была довольно вольной, поэтому так и не вышла замуж, нормальной работы не имела, жила за счёт мужчин... Родила сына только после тридцати, неизвестно от кого, но она его безумно балует.

Сюэ Динъюань был удивлён. В те времена такие люди встречались редко, что говорило о проблемах с характером у самой старухи.

Автор хочет сказать:

Чу Хуншэн: Если ты сейчас не отпустишь меня, потом уже не прогонишь.

Сюэ Динъюань: Попробуй остаться! Боясь меня?

...

Слушал всех и не стал менять имена, но переписал описание, ха-ха-ха.

<http://bllate.org/book/16745/1561686>